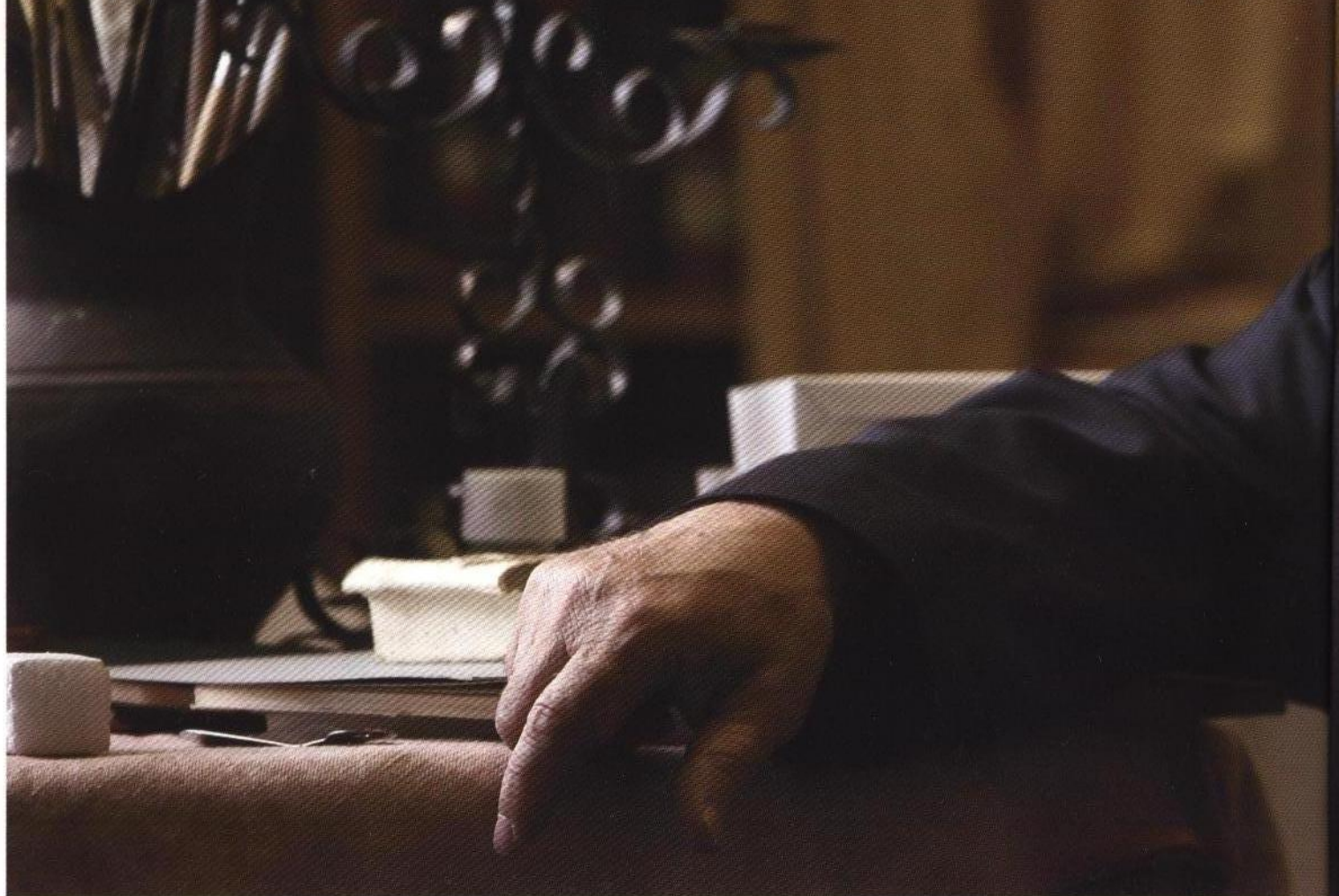

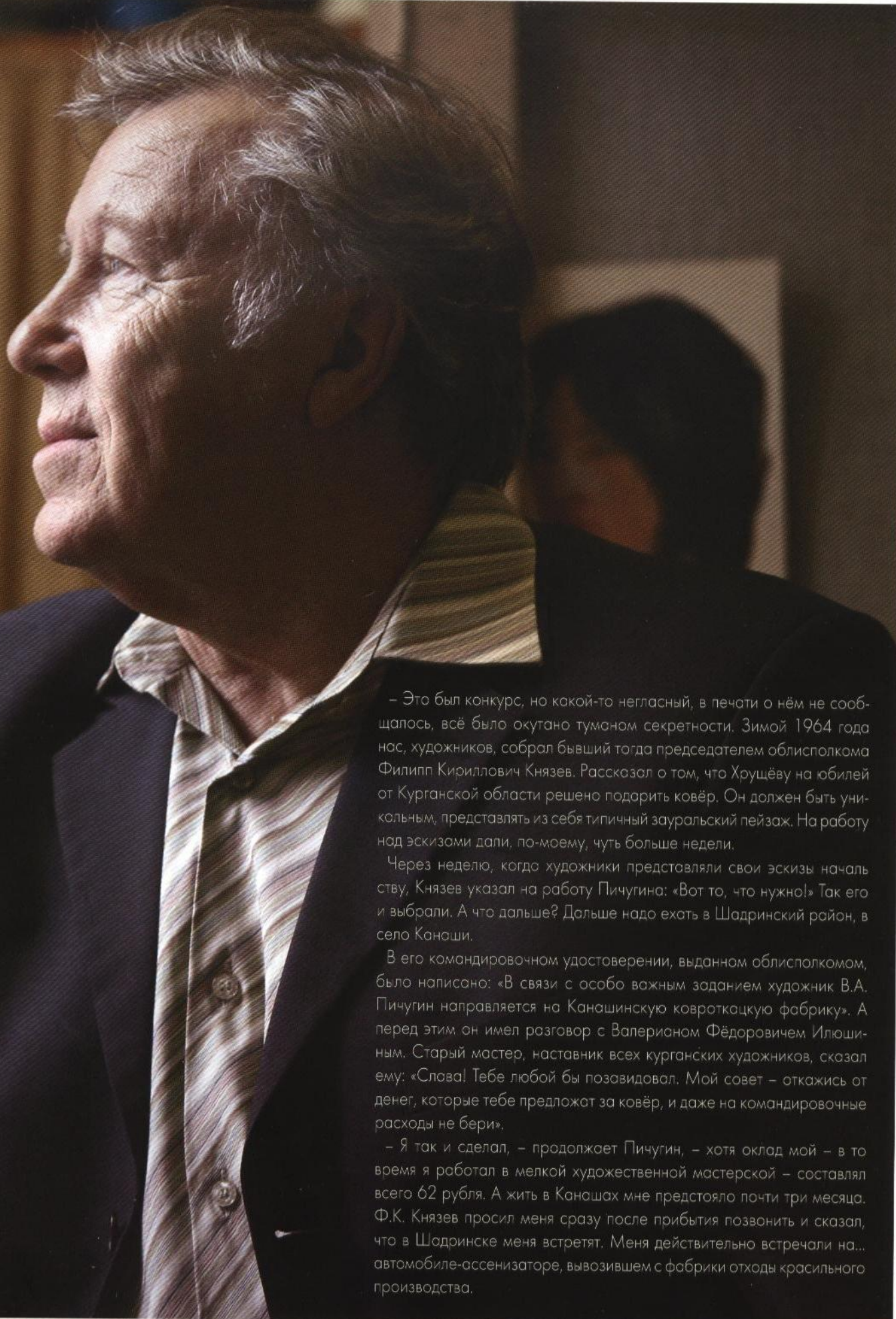
КАК ХУДОЖНИК ПИЧУГИН НИКИТЕ ХРУЩЁВУ КОВЁР ПОДАРИЛ

«Прелесть», можно сказать, национальная особенность нашей политики в том, что для любого сошедшего с дистанции лидера находится свой «достойный» ярлык. Когда Брежнев со своей компанией одолел в борьбе за власть Хрущёва, таким ярлыком стало чужое слово «волюнтаризм», не всем понятное, но ставшее вдруг самым употребляемым от пленумов ЦК КПСС до худого колхозного собрания. А ведь, казалось, что «прославившийся» в ООН Хрущёв усидит в своём кресле лидера тоталитарного государства уж точно до 80-х годов, в которые он обещал приход коммунизма. Славословия в адрес «короля кукурузы» лились не меньшим, чем у Сталина, потоком, юбилеи отмечались с помпой, а подарки имениннику везли со всей страны. Не отставали и курганцы. Первый секретарь Курганского обкома партии Геннадий Сизов на торжествах, посвящённых 70-летию Никиты Сергеевича, вручил ему ковёр. Конечно, это шерстяное чудо размером 3 на 2,5 метра не было обычным ковром.

Далее почти дословно привожу рассказ курганского живописца, автора этого необычного подарка, ныне заслуженного художника России Вячеслава Алексеевича Пичугина.

ВАЛЕРИЙ ПОРТНЯГИН

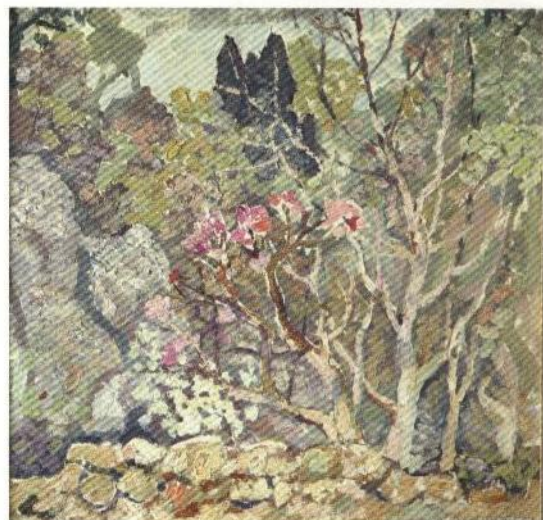
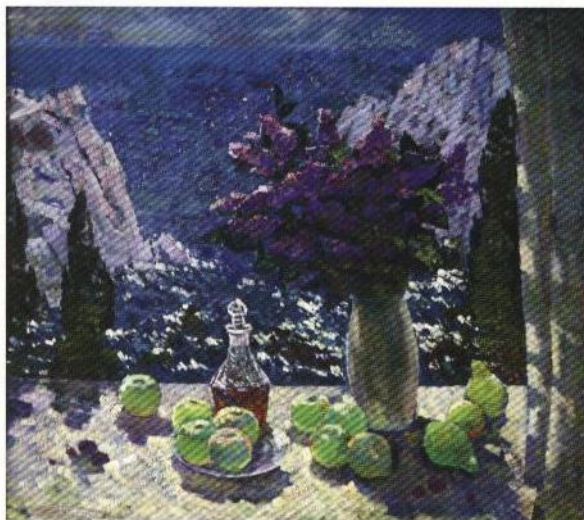
– Это был конкурс, но какой-то негласный, в печати о нём не сообщалось, всё было окутано туманом секретности. Зимой 1964 года нас, художников, собрал бывший тогда председателем облисполкома Филипп Кириллович Князев. Рассказал о том, что Хрущёву на юбилей от Курганской области решено подарить ковёр. Он должен быть уникальным, представлять из себя типичный зауральский пейзаж. На работу над эскизами дали, по-моему, чуть больше недели.

Через неделю, когда художники представляли свои эскизы начальству, Князев указал на работу Пичугина: «Вот то, что нужно!» Так его и выбрали. А что дальше? Дальше надо ехать в Шадринский район, в село Канаши.

В его командировочном удостоверении, выданном облисполкомом, было написано: «В связи с особо важным заданием художник В.А. Пичугин направляется на Канашинскую ковроткацкую фабрику». А перед этим он имел разговор с Валерианом Фёдоровичем Илюшиным. Старый мастер, наставник всех курганских художников, сказал ему: «Слова! Тебе любой бы позавидовал. Мой совет – откажись от денег, которые тебе предложат за ковёр, и даже на командировочные расходы не бери».

– Я так и сделал, – продолжает Пичугин, – хотя оклад мой – в то время я работал в мелкой художественной мастерской – составлял всего 62 рубля. А жить в Канашах мне предстояло почти три месяца. Ф.К. Князев просил меня сразу после прибытия позвонить и сказал, что в Шадринске меня встретят. Меня действительно встречали на... автомобиле-ассенизаторе, вывозившем с фабрики отходы красильного производства.

«Гурзуфская сирень»
2007. Х.м.
«Персик цветет»
2000. К. м.
«Тобольск. Кремль»
2000. К. м.
«Октябрь»
2005. Х. м.

Пришлось и этюдник, и запас холстов привязать к машине, сам я сел в кабину – так и добрались до фабрики.

Жил Пичугин в старом купеческом доме, в кабинете директора фабрики. Здесь же спал на диванчике, состоящем, кажется, из одних пружин, укрываясь за платанным тулупом. Ел только то, что было в сельском магазине: сухие пряники да солянку в стеклянных банках. Но всё это было не страшно – молодость! Да и ответственность за особое задание поддерживала.

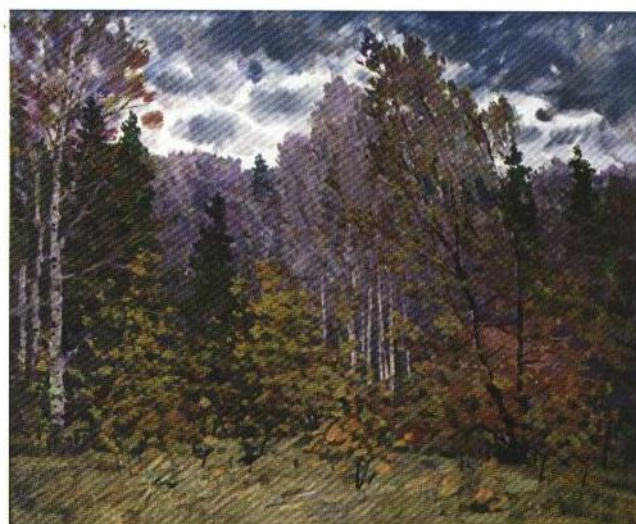
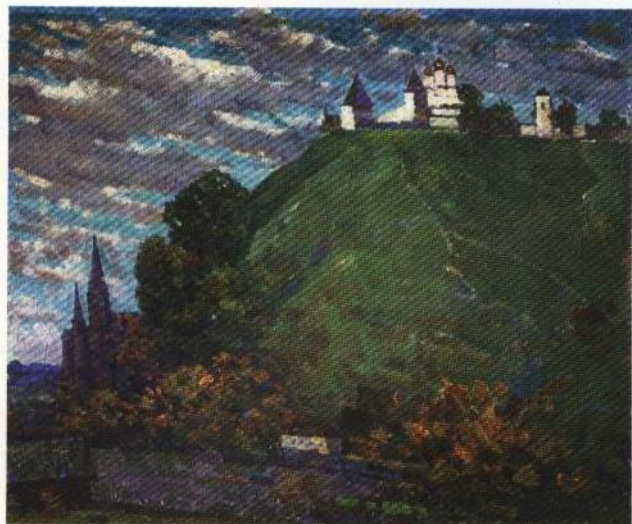
– Но директор, пусть меня извинят, – ссылается Пичугин на слабость памяти, – если я через 40 лет не точно вспомню имя-отчество, кажется, Раиса Ивановна Медведева и главный художник фабрики Роза Матвеевна Сосунова в первые же дни, увидев эскиз, меня огорошили: «Это же картинка! А нам надо в соответствии с технологией всё в натуральную величину и поделить на клеточки, в каждой из которых указать цвет пряжи. Представьте себе, ведь ковёр будут ткать восемь ткачих, у каждой свой кусочек, и путаться они не должны...»

Месяц художник возился с этим «переводом», а тут ещё Ф. К. Князев отругал его по телефону, что не доложил о своём прибытии и начале работы. С шерстью тоже были проблемы. Ковёр должен был представлять из себя весёлый, солнечный пейзаж. Нужна была пряжа и особого качества, и самых разнообразных цветов: золотистая, серебряная, белая, зелёная, голубая... В общем, собирали эту шерсть по всей области, а в Канашах пряли и красили. Так или иначе, начали ткать. День ткут, неделю ткут, на вторую пошли... Кордовые нити, основа, проходят через всё полотно будущего ковра, а на них постепенно наращивается рисунок. 15-20 сантиметров по всей ширине наткут девчата, а

затем заворачивают этот кусок, чтобы дальше можно было ткать.

– А я-то ковра не вижу! – Эмоции и сейчас, через 40 с лишним лет, захлещывают постаревшего автора. – Не вытерпел, велел всё сотканное развернуть, кое-как уговорил. Увидел – не нравится! «А что делать?» – спрашивают меня. «Распускать!». Поднялся настоящий бунт, ведь платили-то ткачихам с выработки, а я всё к нулю свёл. Тут я и вспомнил, что в обкоме говорили, мол, если проблемы будут, звони. Я и позвонил. В общем, директору хватило телефонной головомойки, и по приказу сверху стала она платить «моим» ткачихам по высшей категории. Ковёр ткали в три смены ткачих, а я-то – один! Умотался, часто за их рабочими местами и спал, если что неясно, меня будят. Несколько раз за время работы приезжали ко мне братья, художник Валя Коршунов и, конечно, Сизов и Князев, другое начальство. В один из приездов Сизов спрашивает хозяек: «Блинами, пельменями парня кормите?» – «А как же!» – бодро отвечали канашинцы. А я как жрал опостылевшую солянку, так и продолжал её жрать.

– К концу марта ковёр был готов, – рассказ Вячеслава Пичугина интригует всё больше. – Берёзы сверкали янтарем, по голубому небу плыли белые облака, солнце золотило пшеницу. По нижнему полю ковра выткали надпись: «От курганцев», на такой формулировке настоял Г. Ф. Сизов. Вскоре и он приехал смотреть сделанное. Ковёр был тяжеленным (3 на 2,5 метра плотнейшей шерсти на прочной основе), на чистый снег его вытащили и держали пять мужиков. Сизов обошёл ковёр со всех сторон да и велел его грузить в машину. Туда же погрузили и ему подарок, серийный канашинский ковёр, так что мне места в машине не нашлось, уехал Сизов в Курган без меня. До

дому я добирался сам... Вскоре меня пригласили на заседание бюро обкома партии. Пришёл, дрожу. Выглядывает через какое-то время партийный служака: «Вячеслав Алексеевич, входите, ваш вопрос». Вхожу, перед «тузами» выступает Сизов, оказывается, многие члены бюро только что узнали о необычном подарке Хрущёву. Я же говорю, секретность была! По репликам чувствую, одобряют. И вдруг один из присутствующих говорит: «Всё хорошо, но вот как бы в облаках Нину Петровну с ангельскими крылышками изобразить?» Нина Петровна – это супруга Хрущева, и сказано про нее было вполне серьезно, на что, правда, Сизов отреагировал мгновенно и резко: «Тоже мне, ангела нашли!» Он даже покруче сказал, нецензурно... А меня поблагодарил и спросил, что нужно. «Ничего!» – ответил я. «Дурак ты, Славка, – говорили мне потом друзья, – просил бы квартиру». А я тогда с родителями и братьями в частном доме жил, нас там, как сельдей в бочке. Но радость, что я справился с ответственным заданием, всё равно перевешивала...

Буквально накануне дня рождения Хрущёва Пичугину позвонили и сказали:

– Вячеслав Алексеевич, поздравляем! Ваш ковёр одобрен двумя комиссиями – во главе с Президентом Академии художеств СССР Серовым и во главе с Председателем Президиума Верховного Совета СССР Брежневым – и рекомендован для постоянной экспозиции в музее подарков Никиты Сергеевича.

В своё время об этом подарке не было даже маленькой заметки, тем интересней подробности, о которых через 40 лет впервые рассказал художник Пичугин.

– Вячеслав Алексеевич, давайте, чтоб яснее представить это ваше произведение, переснимем какие-то наброски, эскизы к нему.

– А ничего не осталось – ни подготовительных рисунков, ни фотографий. Правда, во время работы над ковром Курганское телевидение снимало фильм об этом, режиссёром был Володя Тихомиров, оператором – Эммануил Брейтман, фильм даже по центральному телевидению показывали.

– Так вы больше ничего и не знаете о судьбе ковра?

– Не думаю, что он пропал, где-нибудь пылится в Гохране. Хотел я однажды детям Хрущёва Раде и Сергею написать об этом, спросить кое о чём, да так и не написал...

Вот такая история. Совершенно без морали. И без ангелов.

* * *

Сегодня Вячеслав Пичугин ни ковров, ни своих полотен чиновникам высшего ранга не дарит. Зато готов поделиться искусством с теми, кому, как он считает, оно нужней и может даже служить своеобразным лекарством. Накануне 65-летия Победы по его инициативе группа курганских художников передала в дар госпиталю ветеранов Великой Отечественной войны 25 картин, среди которых есть, конечно, и его пейзажи.

– Мы в долгу у наших стариков, – сказал Вячеслав Алексеевич. – Говорят, что живопись – отличная арттерапия. И, если наше искусство хоть кому-то поможет чувствовать себя лучше, мы будем считать, что не зря кистями по холстам машем.

Пичугин очень активен в последнее время. Он – один из «генераторов идей» в правлении областной организации Союза художников России, постоянно ездит по области и стране, что в конечном итоге приводит к созданию новых пейзажей и натюрмортов (его любимые жанры), которые украшают самые престижные выставки. Назову только три из них. В конце прошлого года Пичугин стал одним из участников проведённой в Кургане Второй Всероссийской выставки акварели; весной уже этого года его цветочные натюрморты поразили любителей живописи в штате Висконсин (США), на этой выставке, в которой участвовали художники из полутора десятков стран, Россию представлял только Пичугин; и, наконец, в эти дни его полотна демонстрируются в Тюмени, куда из Тобольска переехала выставка участников всероссийского пленэра.

После уже «архивной» истории с ковром для Хрущёва, знаете, что мне сказал Пичугин?

– Для рождения нужно выбрать правильное место. Я учился в Свердловске, поездил по свету, но писать картины могу только здесь, где родился, в Кургане. Всё, замолкаю. Дальше начинается сентиментальность.